МИРОВАЯ КЛАССИКА

Ю. НАГИБИН

По пути в бессмертие

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Краткое эссе о Льве Толстом.

- Юрий Нагибин
  - ○

Юрий Нагибин
«…Так хорошо и страшно»

В бумагах моего покойного отчима писателя Я. С. Рыкачева я нашел любопытную запись, посвященную Льву Толстому. Однажды за вечерним чаем в Ясной Поляне Толстой прихлопнул комара на лбу своего гостя, друга и последователя, знаменитого Черткова. Громкий шлепок заставил Черткова вздрогнуть не только от неожиданности: алое пятнышко крови из раздавленного комара испачкало гладь многомудрого чела. Несвойственный воспитанному и сдержанному хозяину жест и разозлил самолюбивого Черткова, и крепко озадачил. Он догадался, что Толстой бессознательно дал выход какому-то тайному и, видать, давно назревшему раздражению против своего ревностного приверженца, и решил проучить графа. «Боже мой, что вы наделали! Что вы наделали, Лев Николаевич! — произнес он с таким страдальческим выражением, что Толстой не на шутку смутился. — Вы отняли жизнь у божьей твари! Разве дано нам право распоряжаться чужим существованием, как бы мало и незначительно оно ни было?» Словом, Чертков весьма ловко, убедительно и безжалостно обратил против Льва Николаевича его же собственное учение. Толстой зажалел погубленного комара и тяжело омрачился. Чертков почувствовал себя отомщенным. Каково же было его разочарование, когда неотходчивый Толстой на удивление быстро повеселел. Поймав его недоуменный взгляд, Толстой с лукавой улыбкой пояснил: «Все, что вы говорили, святая правда. Но нельзя так подробно жить»…

Запись не содержит никаких ссылок, и я не знаю, насколько достоверна эта история, но глубинная ее правда несомненна. Это так великолепно и так по-толстовски, что душу распирает от восторга. С кем вздумал тягаться Чертков! Неужели он не понимал, насколько Толстой больше толстовства? В этой маленькой истории отразилась великая душевная свобода Толстого, которого не загнать было ни в какие ловушки.

Страшным голодным летом 1865 года Толстой писал Фету, что у него на столе розовая редиска, желтое масло, подрумяненный мягкий хлеб на чистой скатерти, а в саду солнце и тень, на молодых дамах кисейные платья, а кругом голод глушит поля лебедой, порошит землю, обдирает пятки мужиков и рвет копыта у скотины… «Так страшно и даже хорошо и страшно», — признавался Толстой. Никто в целом мире не посмел бы сказать такого о голоде, а Толстой посмел. Его «хорошо» полно

бездонного смысла: хорошо, потому что это библейское, Апокалипсис, а не повседневная пошлость с газетками, сплетнями, политикой, мелкими страстишками и крупными подлостями, хорошо, потому что может привести к гибели и к рождению чего-то не бывшего, хорошо, потому что тут дышит судьба, и еще по многому, чего не выразишь словами, ибо всякое слово неполно.

Необъятна душа Толстого. Нет ничего ни в человечьем, ни в Боговом владении, на что бы он боялся посягнуть. К чему угодно он спокойно протянет свою жилистую мужицкую руку, возьмет и поднесет к страшным всевидящим глазам. Породить такую громаду могли лишь неохватные пространства русской земли, где льды и тропики, тундра и пустыня, заоблачные горы и не ведающие об истоках реки и где встающее на востоке солнце видит на западе свой затухающий след.

Эрнест Хемингуэй, которого не заподозришь в недостатке смелости, говорил своему другу Хотчеру, что «выходил на ринг» против Тургенева и против Стендаля и не испытал горечи поражения. «Но против Толстого, — добавил он, — я не выйду. Не выйду, — повторил он с каким-то странным восторгом, — ни за что не выйду против Старика!»

Да, против «Старика» никому не продержаться и раунда.